

ТАТЬЯНА МИХАЛЬ

A man with dark, wavy hair, a beard, and intense green eyes is sitting in a dark leather armchair. He is wearing a white V-neck t-shirt and blue jeans. His arms are covered in intricate black and orange tattoos. He is leaning back with his right hand behind his head and his left arm resting on his knee. The background features a large window with a view of a dark, rainy night. To the left, a fireplace with a warm fire is visible. The overall mood is mysterious and intense.

*Звезда*  
**ТРОФЕЙ  
ОДИНОКОГО**

# Татьяна Михаль

## Трофей одинокого зверя

*<https://litres.ru/74256768>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Волчара Ты попал.

Олег Громов – волк-одиночка, хозяин тайги, куда без спроса лучше не соваться.

Он бывший спецназовец, ныне владелец охранной фирмы. Это суровый, дикий и одинокий мужик. И он абсолютно катастрофически недосыгаем для простых смертных женщин. Точнее, он так думает...

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| ПРОЛОГ                            | 4  |
| ГЛАВА 1                           | 11 |
| ГЛАВА 2                           | 28 |
| ГЛАВА 3                           | 36 |
| ГЛАВА 4                           | 47 |
| ГЛАВА 5                           | 62 |
| ГЛАВА 6                           | 76 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 79 |

# Татьяна Михаль

## Трофей одинокого зверя

### ПРОЛОГ

\* \* \*

— ОЛЕГ —

Волчара... Ты попал.

Я сидел на холодном бетонном полу, прикованный цепями к стене, и смотрел, как луна медленно выползает из-за туч через крошечное окошко под потолком.

Руки уже вспотели, металл натирал запястья, но я не чувствовал боли.

Я вообще ничего не чувствовал, кроме одного – её запаха, и он сводил меня с ума.

Он просачивался сквозь бетон, стальную дверь и даже сквозь мою волю.

Он был везде – и в воздухе, которым я дышал, и в моей крови, в проклятой голове, которая раскалывалась на части.

Катя... Катюша...

Она сейчас была там, наверху в спальне на втором этаже, она в безопасности.

Сегодня утром я приказал ей не выходить из комнаты.

Я рычал на неё так, что стены дрожали: «Запрись и не вый-  
ди»

*ходи! Что бы ты ни услышала! Поняла меня?»*

Она испугалась, и я видел страх в её глазах. Чувствовал этот кислый и резкий запах страха, даже ужаса.

Ненавидел себя за то, что пугаю её, но лучше страх, чем смерть, потому что если она окажется рядом...

Зверь внутри меня зашевелился, поднял голову и принялся.

*«Она здесь...»* – зарычал волк. – *«Она твоя женищина... Иди к ней, сделай её своей...»*

— Заткнись, – прохрипел я.

*«Она ждёт тебя...»* – не прекращала зверюга.

— Заткнись, тварь!

Я рванул в цепях, но они выдержали мой напор

Ведь я сам их ковал. Рассчитано на мою силу.

На то, что я не вырвусь, даже когда превращусь.

Зверь зарычал громче. Волк не понимал меня.

Почему я не иду к своей паре?

Почему запираю себя?

Почему я такой, чёрт побери, идиот, а?

Потому что она всего лишь иллюзия, идиота ты кусок.

Потому что если она придёт сюда, то умрёт.

Задохнётся от моей энергии. Её мозги вскипят и сердце разорвётся!

Я видел такое однажды.

Ни один человек не выдержит рядом оборотня в первый час полнолуния.

Даже на расстоянии нескольких метров.

А если она войдёт сюда, где воздух уже плавится от моей силы...

Я с силой сжал кулаки.

Кости затрещали, начиная ломаться и срастаться заново.

Первый этап всегда самый болезненный.

Когда человеческое тело начинает превращаться в волчье.

— А-а-а-а! – зарычал, запрокидывая голову.

Позвоночник выгибался дугой, суставы выворачивало, кожа горела, будто её жгли заживо.

Каждая моя клетка кричала от боли.

И сквозь эту боль пробивался её невозможный, такой необходимый мне ЗАПАХ.

Боже мой, этот аромат был такой сладкий, тёплый и родной. М-м-м...

*«Иди к ней, болван», – требовал зверь. – «Её присутствие облегчит боль. Она же твоя пара... Твоя...»*

— Не-е-ет! – заорал я в пустоту. – Она не моя! Она умрёт!

*«Не умрёт. Она сильная. Пахнет тобой. Она твоя пара...»*

— Замолчи, – прорычал я сквозь слёзы.

Потому что боль уже была невыносимая, потому что я хотел поверить.

Но если поверю, а она не окажется моей парой, то погибнет... и тогда я сам сдохну и эта будет страшная смерть.

Я как дурная псина начал грызть цепи.

В прямом смысле!

Зубы уже менялись, удлинялись клыки.

Металл скрежетал на них, но не поддавался.

Зверь рычал от разочарования и гнева, что не может разорвать оковы.

— Чёрт, чёрт, чёрт! – выдохнул я.

Полнолуние уже почти наступило.

Ещё немного и я потеряю контроль.

Зверь вырвется наружу и будет здесь рвать и метать от ярости, сходить с ума от её присутствия, запаха... Но цепи его удержат.

Я надеялся, что Катя умная и послушная, и останется в комнате, даже когда дом будет сотрясаться от мощи зверя, даже когда вой и рычание донесётся до её ушей.

Уверен, она сейчас сидит в спальне, и молится, чтобы этот псих, то есть я, успокоился.

Я почти успокоился и отпустил себя в эту трансформацию.

И тут жалобно скрипнула дверь...

И тут её запах ударил в лицо так, что у меня искры из глаз посыпались!

На секунду ослеп от этого наваждения.

Резко повернул голову и втянул носом сладкий, необходимый мне запах...

И сквозь пелену боли и безумия я увидел её.

Она стояла на пороге.

Такая маленькая, да ещё в моей футболке. Когда и где она её нашла?! Она была босиком, нежная, красивая, с распущенными волосами.

В руках держала светодиодный фонарь.

Глаза были огромные.

В них плескался страх, даже ужас, и... чёртово женское любопытство и упрямство.

Она смотрела на меня и не отводила взгляд.

— Убирайся! – зарычал я так, что, наверное, в доме стёкла задрожали. – УБИРАЙСЯ, ДУРА! Я РАЗОРВУ ТЕБЯ!

Она вздрогнула и фонарь дрогнул в руке. Но она не ушла, а сделала шаг вперёд.

— Не смей! – я рванулся в цепях так, что они впились в тело до крови. – Не подходи, Катя! Я не контролирую себя! Моя сила убьёт тебя!

— Не убьёт, – сказала она тихо и уверенно.

И сделала ещё шаг.

— Ты не понимаешь! – заорал я. – Я не человек! Перед тобой монстр! Я...

— Я вижу, – перебила она. – И мне плевать.

Ещё шаг.

Я слышал её сердцебиение.

Сердце бешено колотилось.

Ей было страшно, но она шла ко мне... безмозглая идиотка!

— Остановись, – прошептал я, уже не рыча, а почти по-

человечески. – Пожалуйста, Катя. Я не хочу твоей смерти.

Она остановилась.

Посмотрела на меня, мои руки, которые уже покрылись шерстью.

Потом взглянула в мои глаза.

Перевела взгляд на цепи, которые впивались в плё тело.

— Больно? – спросила она.

— Что?

— Тебе сильно больно? По десятибалльной шкале, насколько? – повторила она. – Я же вижу... и чувствую...

Я замер.

Она чувствует?

Она не может чувствовать.

Люди не чувствуют боль обратной.

У людей нет связи с нами.

Только у истинных пар есть эта связь. Только у...

Зверь внутри меня вдруг затих. Перестал рваться и рычать.

— Уходи, – потребовал я тихо. – Пока не стало слишком поздно.

— Олег, всё будет, – прошептала она и шагнула ещё ближе.

Теперь девушка стояла прямо передо мной, всего в одном метре от меня. Так близко.

Я мог дотронуться до неё...

— Откуда ты знаешь? – прохрипел я.

— Знаю, потому что я потомок шаманов, Олег. — Она посмотрела прямо мне в глаза. — Я увидела в твоей библиотеке некоторые книги... И... прости, Олег, но я залезла в твой дневник... Короче, я кое-что в нём прочла... Ну-у-у и... моя кровь та самая, что прокляла твой род. Поэтому я знаю, что ни истинная пара, ни шаман, ни потомок шаманов не боится зверя. А истинная пара и вовсе любит зверя.

У меня остановилось дыхание.

— Что ты сказала?

Она медленно протянула ко мне руку, и положила ладонь мне на щеку.

На мою заросшую шерстью, искажённую трансформацией, мокрую от пота и слёз щеку.

Потом также медленно наклонилась и поцеловала меня.

В этот момент мир взорвался.

# ГЛАВА 1

\* \* \*

— КАТЯ —

Же-е-е-есть!

За окном моей машины, между прочим, гордости российского автопрома, творился ад.

Март в этом году решил доказать, что он не весенний месяц, а личный посланник Сатаны.

Дождь шёл стеной и это мягко сказано.

Небеса прорвало, как старую трубу в хрущёвке, и теперь на мою многострадальную машину обрушивались тонны ледяной воды.

Дворники истерично метались по стеклу и не справлялись.

Темнота накрыла такая густая, будто сейчас не двенадцать дня, а все десять вечера.

Навигатор на телефоне сначала задумчиво покрутил кружок загрузки, а потом просто сдохну, сволочь.

— Эй! – я тыкала в экран пальцем. – А ну вернись! Я тебе кучу персональных данных отдала, имей совесть!

Совесть у навигатора отсутствовала. Как и связь.

Вариант один, звонить в 112.

Я уже хотела набрать номер, но замерла, и представила этот диалог.

— Алло, здравствуйте, у меня тут машина застряла в тайге.

— Ваши координаты?

— А я знаю?

— Оставайтесь на месте, мы вышлем вертолёт, когда кончится ураган.

А кончится он месяца через два, когда снег сойдет.

Решила, что звонить пока не буду, и убрала телефон в карман.

*«Кто вообще едет в тайгу в конце марта? Да ещё на такой слабой машине, как у меня? Только клиническая идиотка».*

Я, Катерина Волкова, почти тридцатник, кандидат исторических наук, реставратор, этнограф, гордость кафедры и позор семьи, потому что до сих пор не замужем и вообще со слов мамы, цитата: «копаешься в старых костях, как собака».

И я, самая умная, решила, что мне жизненно необходимо найти легендарный «Город семи ветров».

Тот самый, где по легендам жили шаманы, на минуточку, самые сильные в Сибири. И именно те, от которых, по рассказам моей бабушки, пошёл наш род.

— Бабушка, спасибо тебе большое за генетическую тягу к приключениям! – прошептала я в салоне машины.

И тут пошёл град.

Град в марте? Реально?

Бабушка с мамой всю жизнь мне уши прожужжали про

наше великое шаманское прошлое, что мы потомки сильнейших провидцев, что наш род древний, как горы. И что я об этом «должна помнить».

Я помню, бабуль.

Поэтому, когда в институте зашла речь о том, что в следующем месяце, возможно, начнут формировать группу для поисков городища, а потом возможно найдут финансирование, а потом возможно через года два-три-десять мы туда поедем, у меня что-то перемкнуло в голове. Капитально так перемкнуло.

Начальство мямлило про «надо согласовать», «подождать лета или лучше осени».

Интересно, а медведи когда просыпаются? В марте? Или позже?

Если в марте, то это плохо. Голодный медведь – плохой медведь.

В общем, пока институт не знает, что я замыслила, я, такая вся деловая, решила съездить и просто посмотреть.

Всё-таки, во мне течёт кровь шаманов из этих мест... Ага...

У меня были такие мысли, что после разведки я составлю предварительную карту, сделаю рекогносцировку на местности, посчитаю бюджет...

Ну, на один денёк съезжу, чего со мной случится?

А вот случилось же!

Я решила не стоять на месте, так как дождь и град только

усиливались, надо возвращаться.

И я поехала...

Машина жалобно всхлипнула, дёрнулась. Чёрт.

— Давай, милая, давай, — я погладила руль. — Надо немного поработать...

Хрясть!

Звук был такой, будто моя машинка только что родила кирпич.

Машину дёрнуло, повело, и она села брюхом прямо в снеговую грязь.

Колёса закрутились вхолостую.

— Нет! — взвизгнула я. — Нет-нет-нет-нет-нет!

Я нажала на газ, но бесполезно.

Ещё раз. Ни фиги.

Выключила двигатель. Включила заново. И по газам дала!

— Твою ж за ногу!

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Паника подкрадывалась быстро.

Спокойно, Катя. Ты умная, у тебя всегда есть запасной план.

Я подумала, хорошо подумала и придумала.

План был такой: выйти, найти место, где ловит связь, позвонить друзьям.

У меня есть друг Серёга, у него джип, он меня найдёт и вытащит.

В 112 позвоню, если Серёга не сможет. Сейчас в службу

спасения позвоню, я знаю, что в такой ливень они меня искать не поедут и не полетят.

Скажут: *«Ждите, пока ураган стихнет»*.

А я ждать не хочу, я хочу домой. В сухую тёплую квартиру. Где есть чай и печенье.

Я натянула капюшон куртки поглубже... Потом дрожащей рукой достала из кармана телефон и с силой сжала его. Сделала вдох, выдох и, вылезла под ливень.

Ветер встретил меня оплеухой. Дышать было тяжело. И вообще было такое ощущение, будто я в аквариум попала, где вместо водорослей, деревья. И я вместо рыбы.

Я зажмурилась, переждала порыв и пошла.

Куда? Туда, где деревья реже.

Я шла, спотыкаясь о корни, проклинала всё на свете. И собственное любопытство, и мелкий, колючий град, который бил по лицу, и шаманские гены.

И тут нога провалилась в пустоту.

Я даже не успела понять, что случилось. Просто земля ушла из-под ног, лодыжку прострелило такой дикой, ослепляющей болью, что я заорала.

От собственного крика чуть не оглохла.

Я упала на колени, вцепилась руками в мокрый снег и траву. Боль была чудовищная.

— А-а-а-а! – я дышала сквозь зубы, пытаюсь не разреветься. – Чёрт, чёрт, чёрт!

Тяжело перевернулась на бок и села, дрожащими руками

задрала штанину.

Лодыжка уже начала распухать.

— Капец, – прошептала я. – Только бы не перелом...

Я перевела дыхание, вытерла мокрое лицо и полезла в карман за телефоном.

Пусто.

Вспомнила, что он был у меня в руке.

В руке нет. Тогда где он?!

Я похлопала по куртке, по джинсам.

— Не может быть, – сказала в ужасе.

Я оглянулась назад, туда, где упала. Сквозь пелену дождя увидела его родимого.

Телефон отлетел от меня на приличное расстояние и лежал экраном вверх в небольшом болоте.

Чудо, что сама туда не угодила.

Телефон быстро погружался в воду.

— Не-е-е-ет! – заорала я так, что, наверное, разбудила всех медведей поблизости.

Я попыталась вскочить, но нога предательски подкосилась, и я снова рухнула в грязь.

Телефон тем временем счастливо булькнул в последний раз и канул на дно.

— Я пропала, – прошептала в ужасе. – Это конец.

Я сидела под ледяным дождём, с распухшей ногой, без связи, посреди тайги в конце марта. И до меня медленно, но верно доходило: я реально идиотка.

Но это было ещё не самое страшное.

Самое страшное случилось через секунду, когда ветер донёс до меня низкий, протяжный вой.

Он шёл оттуда, где чернел стеной угрюмый лес.

— Это просто ветер, — сказала я себе, пытаюсь успокоиться.

Вой повторился.

Я кое-как поднялась, опираясь на больную ногу, зашипела от боли и до крови прикусила губу. С трудом похромала обратно к машине...

Вскоре я поняла, что заблудилась.

И теперь я уже не сдерживалась. Подвывая, рыдала и жалела себя, придурочную.

Заблудиться в тайге во время урагана — это верная смерть.

Я никому не сказала, что еду искать затерянный город шаманов. Никого не предупредила. Даже чёртовой, мать её, записки не оставила.

Я уже замёрзла и промокла насквозь. Нога адски болела.

И я начала молиться. А ещё начала просить бабушку помочь. Она говорила, что будет за мной с небес присматривать.

Бабуль, мне сейчас сильно нужна твоя помощь... Пожалуйста, помоги... Или подай знак, как мне спастись...

И тут я вроде бы увидела сквозь пелену дождя слабый огонёк.

Точнее, это был просвет между деревьями.

Я похромала в том направлении и выдохнула с облегчением.

Дом.

В тайге настоящий дом! Это просто удача найти здесь дом!

— Спасибо, ба, – прошептала я, ковыляя вперёд. – Если ты там, на небесах, замолви за меня словечко. Потому что, кажется, я скоро умру от воспаления лёгких... да...

Дом приближался. Красивый, современный, с огромными окнами. Не избушка лесника, а целый особняк.

И в одном окне горел свет.

Я доковыляла до огромных ворот.

Заперто.

Поискала звонок, домофон, хоть что-нибудь, но ничего не было.

Что ж, хозяин этого дома не оставил мне выбора, поэтому, сорри.

Стиснув зубы, но подвывая от боли, я перелезла через чёртов забор, благо, он был не под напряжением и высотой не в пять метров.

Рухнула на другой стороне и застонала. Кажется, я ещё и рёбра себе отбила. Класс, я просто невероятная супер-удачливая женщина.

Кряхтя, поднялась на ноги и поковыляла к дому. Перевела дыхание и подняла руку, чтобы постучать, но тут дверь сама распахнулась.

На пороге стоял высокий и широкоплечий мужик. Тёмные волосы влажными прядями падали ему на лоб. Челюсть у него была квадратная и сведена так, что желваки ходуном ходили.

И глаза у него были необычного золотисто-карего оттенка, но при этом они были холодные и неприветливые, как этот долбаный дождь и сама тайга.

Мужчина взглянул на меня с отвращением, будто я самое мерзкое существо на свете, которое посмело приползти на его порог.

Я открыла рот, чтобы проговорить что-то умное, типа: *«Здравствуйте, извините, можно у вас спрятаться от дождя, согреться, выпить чаю и вызвать помощь?»*

Но вместо этого, глядя в его мрачные глаза, ляпнула:

— О, а я смотрю, вы тут самый главный леший?

Он нахмурился и недовольно поджал губы, но мне отступать было некуда.

За моей спиной выл ураган, с ума сходила тайга, а впереди стоял очень недовольный мужчина.

— Как ты здесь оказалась? – прорычал он, и от его голоса я едва не втянула голову в плечи.

Чёрт, может, он маньяк?

— Впустите погреться? – пискнула я, изображая из себя безобидную овцу. – А то я тут, кажется, немного заблудилась.

Он посмотрел мне за спину, раздул гневно ноздри, но шаг-

нул в сторону, пропуская меня внутрь.

И когда я, хромая, проходила мимо, я готова поклясться, что он втянул носом воздух, как зверь.

Но это же глупости, правда?

\* \* \*

— ОЛЕГ —

Много лет назад...

Волчья тоска имеет определённый запах, и я его ненавижу.

Трое суток отец не выходил из комнаты. Всё это время я сидел под дверью и слушал, как он ходит туда-сюда.

Иногда он останавливался и выл. Так воют, когда желают вырвать сердце из груди, потому что адски болит, но вырвать не могут.

Мамы не стало неделю назад.

Врачи сказали, что инфаркт. Ей было всего тридцать четыре года. Здоровая женщина, красавица, улыбка такая, что мир замирал... и вот на тебе... инфаркт.

Я тогда многого не знал.

— Олег, сынок, иди сюда.

Голос отца был хриплый, даже словно простуженный, хотя он не кашлял ни разу в жизни.

Я медленно встал и размял затёкшую спину, так как спал на полу, боялся отойти. Замер на секунду и толкнул дверь.

Отец сидел на подоконнике, распахнув окно в январскую стужу. Колочий мороз лез в дом, а ему было всё равно.

Он долго смотрел на меня и просто молчал, а я ждал.

— Садись, – кивнул он на кресло.

Я сел. Внимательно посмотрел на него и увидел, что отец резко осунулся и постарел.

И ещё глаза... Они стали пустые, будто там, внутри, всё стало выжжено дотла, только пепел остался.

— Сколько тебе сейчас лет? – спросил он вдруг.

Я очень удивился вопросу. Чего это он? Забыл, сколько его сыну лет?

Это не похоже на него... Я зобеспокоился о нём...

— Тринадцать... Пап, ты чего? Забыл?

— Тринадцать, – повторил он. Горько усмехнулся. – Ты уже такой большой, сынок. И пора тебе узнать правду.

И он снова смотрел на меня долго, изучающе. Я под этим взглядом начал ёрзать и нервничать.

— Ты волк, Олег и ты уже приручил своего зверя. Ты, молодец, я горжусь тобой. Наш род Громовых старый и очень сильный, но ты не знаешь, что наш род... проклят, сынок. Вот так... Мы прокляты... Представляешь?

Я нервно фыркнул. Отец явно был не в себе. Смерть мамы его подкосила, уже придумывает всякое.

— Пап, ну какое проклятие?

— Заткнись и слушай, – проговорил он таким злым тоном, что я реально заткнулся. – Когда вырастешь, поймёшь. А проклятие на всю жизнь, Олег. Оно передаётся по крови.

Он отвернулся и тяжело дышал, но спустя минуту снова

заговорил, не глядел на меня.

— Мы, сынок, потому и одиночки, и не в стае живём... из-за чёртового проклятия... Его суть в том, что для нас не существует истинной пары. Понимаешь? В природе волк находит свою волчицу и живёт с ней до самого конца. Чует её за километры, знает, что она его, и баста. А мы...

Он горько рассмеялся и продолжил.

— Иногда будет казаться, что ты нашёл её, и тебя накроет. Думаешь... вот она! Тебя накрывает волной радости и счастья.... А потом...

Он замолчал.

— Что потом? – не выдержал я.

— Проводишь с ней ночь, а на рассвете эта прекрасная, просто божественная иллюзия исчезает, – отец зло усмехнулся. – Просыпаешься утром, а она рядом лежит... чужая. Чужая, понимаешь? Ты смотришь и не понимаешь, что ты в ней вообще нашёл? Запах не тот, голос не ласкает слух. И хочется только одного, скорее от неё свалить. Чтобы не видеть, не слышать и не чувствовать эту пустоту, которая теперь будет с тобой всегда. Потому что ты знаешь, что для тебя пары... не существует. И когда уходишь... тебя снова накрывает. Но теперь это боль, она будет сводить с ума. Как будто ты потерял свою пару. Тебе захочется всё крушить, убивать, и разрушить весь мир к чертям, ведь эта боль, сынок, невыносима... Потому мы и не в стае, ведь в таком состоянии и своих убить можем...

У меня в груди всё похолодело.

Я вспомнил, как отец смотрел на маму.

Не то чтобы он не любил её. Нет, нет, он заботился, оберегал и все дела. Но смотрел... не как на свою половинку. Я думал, так у всех взрослых.

— А что мама? – спросил я тихо. – Она же... любила тебя, пап...

— Она была хорошей женщиной, Олежа. И она не была иллюзией. Просто женщина, с которой мне было... легко, которую мне повезло встретить, – прошептал отец и протёр лицо, будто умылся.

Потом сжал переносицу, зажмурился, сдерживая слёзы.

— Нет, всё-таки она была самой лучшей. Я относился к ней с уважением. Да, я дал ей всё... И дом, и защиту... Ребёнка. Но любви... той, бешеной, когда без неё дышать не можешь, у нас не было. И не могло быть. Я прожил с ней пятнадцать лет. Ровно столько, сколько отмерено женщинам, которые связались с оборотнями, не будучи нашими истинными парами. Твоя мать знала, на что шла, знала, что так всё будет... Я ей всё рассказывал, Олег. И она любила меня, дурочка.

Я вскочил и сжал руки в кулаки.

— Что значит «отмерено»? Скажи мне всю правду!

В глазах отца была боль. Такая мощная, почти осязаемая, что мне самому стало тяжело дышать.

— От истощения, сынок. Мы, оборотни. У нас энергия

особая, сильнее, чем у обычного человека. Нам нужна сильная пара, чтобы она могла выдержать нашу мощь и энергию. Простая женщина, живя с нами, отдаёт себя капля по капле. Греет нас своей жизненной силой, сама того не зная. Лет через десять-пятнадцать... всё.

Меня затрясло.

— То есть ты хочешь сказать... мама, она... умерла из-за тебя?

— Из-за нас, – поправил отец. – Из-за проклятия, Олег. Из-за того, что я не нашёл способ его снять. Никто из нашего рода не смог. Из-за того, что я поверил, будто смогу жить как человек. Но не вышло...

Он подошёл ко мне вплотную и положил руки на плечи, потом сжал их так, что мне стало больно.

— Запомни, мои слова, сынок. Если встретишь женщину и покажется тебе, что она твоя судьба, ни за что на свете не верь. Это обман, проклятие дразнит тебя! Слышишь? Гони её, пока не поздно, или найди простую женщину, да живи с ней, зная, что убиваешь её с каждым днём. Но зато ты узнаешь, что такое жена и дети, увы, но третьего не дано. Истинной пары у нас нет. Забудь об этом. Мы навсегда одиночки, и это наше бремя.

Я глядел в его глаза и видел там горькую, безысходную и страшную правду.

— Отец, я найду способ, – произнёс тогда в ответ на его предупреждение. – Я сниму проклятие.

Отец лишь усмехнулся.

— Я тоже так думал, когда был молодой и горячий, прямо как ты сейчас. Да, сынок, ты ищи, только помни, что пока ищешь, никого не подпускай до себя, потому что если подпустишь, то убьёшь, и себя потом ты не простишь. Мне тяжело и больно, я ведь привязался к твоей маме... Всё, уходи, я устал.

Я кивнул. Отец убрал руки с моих плеч, и они словно плети повисли вдоль его тела.

Я развернулся и медленно вышел из комнаты, спустился на крыльцо и сел на ступени.

Сидел и смотрел на звёзды. Мне было тринадцать, и я узнал, что мы, Громы, обречены на вечное одиночество.

Тогда я и дал себе клятву, что не женюсь, и не подпущу к себе ни одну женщину ближе, чем на одну ночь. Я буду утолять голод, но никому не дам надежды. И себе в первую очередь.

А проклятие... Что ж, либо я найду способ его снять и уничтожить, либо мой род на мне и прервётся. Вот так.

\* \* \*

Семь лет спустя

Мне двадцать. Я вернулся из армии. Отслужил спецназ, навоевался на годы вперёд.

И возвращался домой, в тайгу.

Хотел отца увидеть, рассказать ему, как у меня дела. Мы так давно с ним не виделись.

Зашёл в дом, а там было пусто.

Меня встретил очень нехороший запах пустоты. И накрыло ощущение беды.

В тот же день я нашёл отца в лесу у старого городища, где по легендам жили шаманы, что и проклинали нас.

Отец был в облике зверя, он был весь разорван. Большой, чёрный, свирепый волк был повержен.

Рядом лежал ещё один здоровенный волк, он был серый. И это была битва насмерть.

Отец убил своего противника, но и сам не выжил.

Я стоял над ним и долго смотрел на тело.

Так давно его не видел... Приехал, а он мёртв. Папа...

В доме на кухне я нашёл записку, на ней было наспех написано карандашом:

«Сынок, если что, прости меня. Чужак пришёл на нашу землю и бросил мне вызов. Я не мог не ответить. Береги себя. Люблю тебя. Отец».

Я сжёг его тело по нашему обычаю.

Пепел развеял над тайгой.

Именно в ту ночь я поклялся снова.

Я найду потомков тех шаманов, и узнаю, как снять проклятие.

Или просто умру. Один.

\* \* \*

...Прошло ещё семнадцать лет.

Я построил дом, открыл охранную фирму. Всё это время

жил один. Я всегда один.

Иногда ездил в город, находил женщину на ночь, чтобы заглушить голод.

Утром всегда уходил, не прощаясь.

Никто не жаловался, ведь я честно предупреждал, что никаких серьёзных отношений. Одна ночь и на это всё.

Иллюзий, о которых рассказывал отец, со мной не случилось, и честно говоря, я радовался этому.

Я стал легендой у себя в компании.

Олег Громов – вечный холостяк, хозяин тайги. Суровый, дикий, недосыгаемый. Смешно.

Иногда мне кажется, что я просто идиот.

Потому что в ту ночь, когда разверзлись хляби небесные, а река вышла из берегов, отрезая от большой земли, в мою дверь постучалась ОНА.

Маленькая, мокрая, злая женщина.

Я открыл дверь и понял, что всё, пропал. Хана мне.

Зверь внутри меня, который все годы с моего совершеннолетия молчал, поднял голову и зарычал, как бешеный «Моя!»

А я стоял и смотрел, как с её одежды и тёмных волос течёт вода, и с ужасом подумал: «Нет, только не это. Только не сейчас. Только не ОНА».

Потому что я знал: это морок.

И совсем скоро полнолуние.

# ГЛАВА 2

\* \* \*

— ОЛЕГ —

Запах я почуял за километр.

Сначала подумал: показалось.

В такую погоду, когда небеса решили устроить всемирный потоп, а ветер ломал деревья как спички, нормальные люди сидят дома и пьют чай.

А если у них нет дома, то ищут, где спрятаться.

Но не в моей тайге. Не на моей территории.

Я сидел в кресле, смотрел на мониторы системы безопасности и пил кофе.

На экранах сплошником серая стена дождя.

Камеры захлёбывались водой, но кое-что показывали.

Лес был пуст, всё зверьё попряталось.

Река бурлила, скоро выйдет из берегов, это я знал и без камер.

И тут появился неправильный запах.

Человек и чужак.

Я встал и подошёл к окну, вслушался в ветер.

Там, за шумом дождя, треском деревьев и воем урагана билось маленькое и испуганное человеческое сердце. И оно приближалось.

— Какого чёрта? – спросил у пустоты.

Пустота не ответила.

И тут я понял. человек не просто шёл мимо, этот дурак пересёк границу моего участка!

— Твою мать, — со злостью выдохнул я.

Внутри поднялась волна звериной и дикой ярости.

Это моя земля! Я здесь хозяин! А какой-то идиот посмел сюда зайти без моего разрешения?!

Ярость захлестнула разум.

Почувствовал, как когти начинают прорезаться из-под ногтей, глаза меняли цвет, и зверь внутри поднимал голову и скалил зубы.

Сейчас я найду нарушителя и разорву его!

После брошу лесным волкам на съедение.

С мрачным и решительным настроем пошёл к двери и распахнул её.

В лицо ударила стена воды, но я даже не поморщился.

Это была женщина, настоящая идиотка, которая решила прогуляться по тайге в конце марта, да ещё под ураганом.

Мокрая и дрожащая, она смотрела на меня своими огромными синими глазами и пыталась что-то сказать.

С её волос текла вода, с губ срывалось судорожное дыхание, а её запах ударил мне в голову так, что я пошатнулся.

Запах был сладкий, терпкий и до невозможности знакомый и родной.

Это был тот аромат, который волки ищут всю жизнь, и о котором говорил мне отец.

Зверь внутри меня застыл, а потом словно взорвался.

«*МОЯ!*» – зарычал он так, что у меня уши заложило. –  
«*МОЯ! МОЯ! МОЯ! Падай к её ногам! Лизжи ей руки! Защи-  
щай любой ценой! Люби её!*»

Я сжал руки в кулаки.

«Заткнись», – зашипел зверю.

Но зверь не заткнулся, он забился внутри меня, требуя, чтобы я схватил её в охапку, внёс в логово и никогда больше не отпускал, а человек помнил заветы отца.

Я глядел на эту мокрую, дрожащую и испуганную девушку и думал, что она лишь наваждение.

Но зверь орал: «*Нет! Она настоящая! Чувствуешь её за-  
пах?! Так пахнет твоя пара!*»

— А вы, я смотрю, тут самый главный леший?

Я изнутри разрывался на части.

— Как ты здесь оказалась? – прорычал безумным голо-  
сом.

— Впустите погреться? – пискнула она, глядя на меня снизу вверх. – А то я тут, кажется, немного заблудилась.

Я хотел прогнать её. Заявить ей: «*Убирайся, пока я не сде-  
лал тебе больно и мой зверь не вырвался на свободу. Или по-  
ка я не поверил в эту ложь*».

Вместо этого шагнул в сторону и пропустил её в дом.

Она прошла мимо. Такая маленькая, мокрая, пахнувшая дождём, лесом и страхом, и этим проклятым запахом.

Её кожа пахла домом, как будто она всегда была моей.

Зверь внутри выл от счастья.

Я же возненавидел каждую секунду.

\* \* \*

В доме она остановилась посередине гостиной и замерла, оглядываясь.

Вода с её куртки стекала прямо на мой идеально чистый пол, который я собственными руками вчера мыл, потому что не выношу бардак.

Я закрыл дверь и повернулся, вдруг увидел, что она хромает.

И тут зверь снова включил режим истерики.

*«Она ранена! Ей больно! Помоги ей, спаси! Срочно!»*

Человек пытался сопротивляться, но зверь был сильнее.

Я подошёл к ней, схватил в охапку и, игнорируя её писк, донёс до дивана и бросил на него.

Аккуратно бросил. Ну, насколько я вообще умею аккуратно.

Наверное, она приложилась спиной посильнее, чем надо.

— Эй! Ты чего?! – заорала она, вскакивая и глядя на меня в ужасе.

Я почувствовал её страх.

Такой резкий, кислый запах. Неприятный.

От него зверь внутри заскулил, что я, идиот, напугал свою пару, я плохой, должен извиниться, принести подарок, убить мамонта, ну давай уже!

Я сделал глубокий вдох.

Не думал я, что волки так по-кретински сходят с ума из-за своей пары.

— Я хотел сократить твой путь до дивана, – проворчал я. Она округлила глаза. Смахнула воду с лица.

С её волос всё ещё текло, и на моём диване (кожаный, чёрный, итальянский, между прочим) уже образовалась мокрая лужа.

— Офигеть у тебя манеры, – прошептала она, и вдруг, как ни в чём ни, бывало, представилась: – Кстати, меня Катя зовут.

Катя, маленькая Катя.

*Моя Катя.*

Зверь свернулся калачиком и замурлыкал. Хотя волк не может мурлыкать, но, как ни удивительно, мой смог.

— Сядь, – произнёс я жёстче, чем надо было. – Что с ногой?

— А представиться сначала? – огрызнулась она.

— Зачем?

Она забавно фыркнула, и я чуть не улыбнулся.

Проклятие, я сам от себя в шоке.

— Ну, знаете, есть такой этикет, – произнесла она и села на диван. – Принято говорить людям при знакомстве «меня зовут так-то», прежде чем бросать людей на мебель.

— Глупости.

Она пожала плечами.

— Ого, какая крутая берлога, – вдруг выдохнула она, ме-

няя тему. — Ты случайно, не Джеймс Бонд?

— Чего?

— Ну, — хмыкнула она и обвела рукой комнату, — камин, кожаный диван, у тебя даже оружие на стене! Прямо как у супершпиона, только девушки голой в джакузи не хватает.

— Джакузи на втором этаже, — ответил машинально.

Она поперхнулась.

— А ты, я смотрю, с юмором.

— Я не с юмором, Катя.

Она удивлённо смотрела на меня и, кажется, попыталась понять, шучу я или я реально социопат.

А я сам не знал, потому что в этот момент зверь внутри меня затих, сильно принюхался, и выдал новую порцию безумия:

*«Она голодная и сильно замёрзла, ещё она устала. Накорми и уложи отдыхать в свою постель. Рядом с собой. Навсегда».*

— Чёрт, — выдохнул вслух.

— Что такое? — испугалась она.

— Ничего. Просто сиди здесь.

— Слушай, а ты всегда такой гостеприимный? Или только перед полнолунием?

И нервно хихикнула, а я замер.

Полнолуние через три дня.

Если она не уйдёт до полнолуния, я превращусь, а она будет рядом, то...

— Нога сильно болит? – спросил я.

— Терпимо, – улыбнулась она. – Не обращай внимания.

Я кивнул.

— Тебе нужно позвонить, сообщить, что ты жива? У меня есть спутниковый телефон.

Она вздохнула.

— Да, надо сообщить. Мой телефон утонул в болоте. Красиво так утонул, с пузырьками.

— Зачем ты вообще сюда припёрлась?

— Искала город, – ответила она и пожала плечами. – Город Семи Ветров, легендарное городище шаманов. Я историк, этнограф и реставратор. Короче, копаюсь в старом дерьме.

— Здесь нет никакого города, – выдал я резко. – Никогда не было.

Она удивлённо подняла бровь.

— А ты откуда знаешь?

— Я хозяин этой земли, – ответил я. – И я знаю всё, что здесь было и есть. Города нет. Забудь.

— Станный ты, – протянула она. – Ладно, хозяин, как тебя звать-то? А то неудобно, ты меня в дом пустил, а я тебя мысленно «лешим» называю.

— Олег.

— Олег, – повторила она, и улыбнулась.

У неё была красивая и тёплая улыбка. И чёртовы ямочки на щеках.

Зверь внутри растаял и потёк лужицей умиления.

— Красивое имя. Древнее и княжеское, – произнесла она.

— Ты всегда так много болтаешь?

— Ты всегда такой бука? – парировала она.

Мы смотрели друг на друга.

Дождь хлестал в окна.

Камин потрескивал.

Её запах заполнял комнату, дом, мою голову, мою душу.

Я должен был её выгнать. Сейчас. Пока не поздно.

Но вместо этого я спросил:

— Есть хочешь?

Она просияла.

— О, боже, да! Я с утра не ела! Готова даже сама всё приготовить, если вдруг ты не можешь или тебе лень! Кстати, я потрясающе готовлю! Например, могу макароны отварить...

Я не выдержал. Уголок моего рта дёрнулся вверх.

— Сиди. Я сам. И раздёнсья, а то простудишья.

Я пошёл на кухню, а она осталась на диване, маленькая, мокрая, чужая. И моя одновременно.

Достал рагу из холодильника и попытался не думать о том, какие её волосы на ощупь.

Не получилось.

# ГЛАВА 3

\* \* \*

— КАТЯ —

Я стянула с себя парку и бросила её на пол.

Руки дрожали от холода, страха и адреналина, который потихоньку рассасывался, оставляя после себя осознание: я влипла. По самые уши.

Парка упала на идеально чистый пол и растеклась по нему мокрым пятном, какдохлая медуза.

— Ой, – сказала я вслух. – Пожалуйста, извините.

Ответа не последовало.

Олег был на кухне.

Я более внимательно огляделась. И офигела.

Ребята, это был не дом.

Это был... космос.

Если бы я не знала, что нахожусь в тайге, то решила бы, что попала в дизайнерское лофт-пространство в центре столицы.

Только за окнами вместо пробок была стена дождя и вековые деревья

Камин из чёрного камня. Натурального, матового, с прожилками.

Внутри горел огонь, прикрытый стеклянной дверцей.

Рядом стояла поленница, дрова были сложены не абы как,

а идеальной пирамидой.

Я такие в соц. сетях видела у девушек, которые помешаны на порядке.

Там ещё подпись обычно стоит: «Мой идеальный вечер у камина».

У меня так никогда не будет, потому что мои дрова будут точно валяться, как попало, а камин я вообще не умею разжигать.

Задрапа голову.

Потолки высоченные.

Балки из грубого дерева, но обработанного так, что это выглядело ультрасовременно.

Окна в пол. Панорамные.

Сейчас в них хлестал дождь.

Пол – это частично паркет, частично плитка.

Мебели было минимум.

Чёрного цвета огромный и кожаный диван, такие же два кресла.

Журнальный стол из слэба дерева, залитого эпоксидкой.

Очень красиво и безумно дорого, а ещё ни одной лишней вещи.

Я покрутила головой.

Ни пылинки, вообще никакого лёгкого бардака. Ни чашки, забытой на столе, или пульта не на месте.

Короче, вообще ничего человеческого.

Плед на кресле был сложен идеальным прямоугольником.

И готова поклясться, он линейкой мерил, когда его складывал и укладывал.

— Твою ж дивизию, — прошептала я. — Да тут прямо военный порядок.

Никаких женских штучек, типа цветочков, дурацких статуэток, вообще ни одного намёка на то, что в этом доме бывает женщина.

И тут до меня дошло, что я сейчас вся мокрая, грязная и с меня течёт, а я стою посреди этой стерильной чистоты, как ходячая катастрофа.

Под ногами уже собралась приличная лужа.

С моих волос капало на кожаный, наверное, очень дорогой итальянский, мать его диван.

— Караул, — выдохнула я.

Нужно срочно что-то делать. Например, хотя бы разуться.

Я осторожно опустилась на самый краешек дивана.

Села, стараясь не касаться спинки, чтобы не намочить ещё и её, и стянула ботинок со здоровой ноги.

Так, а теперь больная.

Я взялась за ботинок на подвернутой ноге и осторожно потянула.

— У-у-у-а-ай! — заорала так, что, кажется, где-то в лесу проснулись все медведи.

Боль прострелила от щиколотки прямо в мозг, словно электрическим током меня ударило.

Мне показалось, что в ногу воткнули раскалённый лом,

провернули и оставили там навсегда.

В глазах потемнело, на секунду я вообще перестала видеть.

А когда зрение вернулось, я обнаружила, что по щекам текут слезы.

— Сука, – прошептала я. – Какая же боль.

И тут же:

— В чём дело?

Олег стоял в дверях, и ужасно недовольно смотрел на меня.

— Нога... – всхлипнула я и кивнула на ботинок, который так и остался на ноге. – Всё-таки я здорово её повредила. Подвернула так, что, наверное, перелом. Не знаю, но болит сильно.

Я снова задрала штанину и прошептала:

— Кабзда моей ноге... Видишь?

Лодыжка выглядела так, будто под кожу засунули теннисный мяч. Распухла, покраснела и местами начала синеть.

Классическая гамма «закат в тайге» – багрово-синюшные оттенки. Очень живописно, но я бы предпочла любоваться этим на картине, а не на собственной конечности.

— Только не реви, – вдруг строго и властно приказал Олег.

Я аж поперхнулась слюнями.

— Ч-что?

— Не реви, сейчас посмотрю.

Он подошёл, и тут я заметила, каким красноречивым взглядом он посмотрел на пол, точнее, на лужу, которая с меня натекла, и на грязь, смешанную с тающим снегом. Потом перевёл взгляд на мою парку, которая продолжала медленно растекаться по паркету, как пятно позора.

Он посмотрел на это всё безобразие и поморщился.

Губы поджал так, что они превратились в тонкую линию, но мужчина промолчал.

*«Прости, дядя леший, – подумала я. – Вот такая у тебя гостя. Я вообще с порядком не дружу. Я и порядок – вещи несовместимые. Однажды у меня в профиле в соц. сетях стоял статус: «Неряха, разгильдяйка, вечно всё теряю, но зато весёлая». Олег бы точно не стал такой девице, как я писать, чтобы познакомиться».*

Он опустил передо мной на корточки.

Осторожно взял мою ногу и, как заправский хирург, почти не причинив боли, снял ботинок.

— Ой, – выдохнула я удивлённо. – А как ты сумел так...

— Тихо, – оборвал он меня.

И начал стягивать носок.

Вот тут мне стало по-настоящему стыдно.

Потому что на мне были носки с сердечками.

С ярко-красными, дурацкими, очень дурацкими сердечками.

Я купила их в супермаркете по огромной скидке за сто рублей, потому что они смешные.

И теперь этот суровый мужик в идеально чистом доме снимал с меня носки с сердечками.

Я мысленно провалилась сквозь землю.

Он даже бровью не повёл.

Просто стянул носок, отбросил в сторону и уставился на мою лодыжку.

Пальцы у него были грубые, мозолистые, но прикасался он осторожно.

Ощупывал кости, давил на опухоль.

— Ай! – взвизгнула я, когда он нажал на самое болезненное место. – Больно же!

— Терпи.

— Легко сказать!

Он продолжал ощупывать, а я откинулась на спинку дивана и заскулил, как щенок, которого обидели.

Потому что сил терпеть молча не было.

Потому что это была реально адская боль.

Олег вздохнул. Тяжело. Раздражённо. Так вздыхают на детей, которые ноют в очереди в поликлинику.

— Кости целы, – сказал он мрачно. – Но это вывих и одновременно растяжение. Не очень хорошая комбинация. Сейчас всё сделаю.

Он встал и ушёл.

Я осталась одна.

Сидела, шмыгала носом и смотрела на ногу. Теннисный мяч под кожей никуда не делся. Наоборот, кажется, стал

больше.

— Красота, – сказала я тоскливо.

Олег вернулся быстро. В руках он нёс медицинский чемоданчик.

— Сначала нужно снять с тебя штаны, – сказал он деловито. – А то потом будет не очень удобно.

Я замерла.

Снять штаны?

Перед ним?

Сейчас?

Я посмотрела на него.

Он смотрел на меня абсолютно спокойно.

— Я... э-э-э... – начала я.

И тут же покраснела. Потому что вспомнила, что на мне.

На мне были обычные хлопковые трусы, в которых стыдно даже умереть, потому что врачи увидят.

И на этих трусах были... зайчики.

Серьёзно. Маленькие розовые зайчики с ушами по всему периметру.

Я закрыла лицо рукой.

— Господи, – прошептала я. – За что?

— Что? – не понял Олег.

— Ничего, – выдохнула я. – Снимаю.

Я расстегнула джинсы.

Попыталась стянуть их самостоятельно и снова взывала от боли.

Олег, не говоря ни слова, помог мне. Он просто взял и стянул штанины, приподняв мои ноги.

Я осталась в свитере и трусах с зайчиками, а он даже не посмотрел.

Ноль эмоций.

Я не знала, радоваться или обижаться.

С одной стороны удобно, что не пялится, а вот с другой... А что это со мной не так, что на меня не пялятся?

*«Катя, у тебя нога распухла, ты вся мокрая, ужасно грязная, с тебя течёт, и ты в трусах с дурацкими зайчиками. Выдохни и успокойся».*

Олег тем временем открыл чемоданчик, достал тюбик с мазью и бинты.

— Сначала обмажу обезболивающей мазью, – объяснил он, не глядя на меня. – Она заморозит ногу, и тебе больше больно не будет. Потом зафиксирую повязкой, а после ты поешь и выпьешь лекарство. Договорились?

Он говорил так уверенно и спокойно, что я вдруг перестала бояться и кивнула.

— Договорились.

Он начал обрабатывать ногу.

Его грубые и сильные пальцы касались моей кожи осторожно, почти нежно.

Мазь действительно заморозила боль, и я смогла выдохнуть.

И тут во мне проснулась Катя-которая-не-умеет-молчать.

— Слушай, – заговорила я. – А ты всегда так встречаешь незваных гостей?

Это я решила пошутить, если что.

Олег поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

— Ты не гостья, а проблема.

Я фыркнула.

— Пф! С любым человеком может случиться беда. И ты, Олег, не исключение. Помощь мне – это плюсики в карму. Быть может, в будущем, если... Ну, не дай бог, конечно, но, если случится беда – тебе тоже помогут. Я верю в бумеранг, он всегда возвращает как зло, так и добро.

Он ничего не ответил, просто продолжал бинтовать мою ногу.

Молчал, как бука.

— Ты вообще разговаривать умеешь? – не унималась я. – Или только «сядь», «не реви», «ты проблема»?

— Умею, – буркнул он.

— О, прогресс! – улыбнулась я. – Слушай, а почему у тебя в доме так... идеально? Ты что, перфекционист? Или просто женщин боишься? Просто женщины умеют наводить лёгкий хаос, который добавляет пространству изюминки и особого уюта. Я вижу, что женщина в этом жоме не живёт.

Он замер на секунду. Потом продолжил бинтовать.

— Порядок должен быть порядком, – сказал он, а про женщину ни слова.

— А, понятно, военная выправка. У моего деда так бы-

ло, всё по линеечке. Помню, он меня в детстве строил, если я игрушки не убирала. Я тогда поклялась, что буду жить в творческом беспорядке, и вот живу.

Он закончил с бинтом и поднял голову, внимательно посмотрел на меня.

— По тебе видно.

И в этом «по тебе видно» было столько всего не очень приятно. Например, вижу, что ты неряха, и что ты дура, да и вообще ты конкретно влипла.

— Готово, – буркнул он, вставая. – Сиди, я сейчас принесу поесть.

И ушёл.

— Ну, Катя, – прошептала я. – Ты влипла по полной.

Но знаете что? Этот Олег мне понравился. Да, вот так, почти с ходу.

Да, он странный и весь такой мрачный, но ногу забинтовал, не выгнал под дождь и даже пообещал покормить.

Я посмотрела на огонь в камине, за окнами выл ветер, а на кухне гремел посудой Олег.

— Могло быть и хуже, – решила я.

Например, он мог оказаться маньяком.

Я откинулась на диван и закрыла глаза всего на минуточку.

Просто чтобы перевести дух.

\* \* \*

— Просыпайся.

Голос выдернул меня из сна.

Я неохотно открыла глаза, увидела, что надо мной стоит Олег с подносом в руках.

— Ты заснула, — объявил он. — Я тебе поесть принёс.

На подносе была тарелка с горячим мясным рагу, хлеб и кружка с чаем. Ещё и кусок пирога с вишней.

Ого, вот это сервис.

Я села и удивлённо взглянула на всё это добро.

— Спасибо, — проговорила тихо. — Большое-пребольшое тебе спасибо, Олег.

Он кивнул и поставил поднос на приставной столик рядом с диваном. Видимо специально его принёс, потому что этого милого маленького столика здесь не было.

И снова он ушёл.

# ГЛАВА 4

\* \* \*

— КАТЯ —

Я посмотрела на свои руки.

Грязные.

Под ногтями земля.

На ладонях были разводы от грязи, смешанной с водой.

Я выглядела так, будто не в тайге заблудилась, а полгода в шахте уголь добывала.

И тут прислушалась к себе: мне нужно в туалет.

Очень.

Прямо сейчас.

И как я это сделаю? На одной ноге допрыгаю? И куда?

Я не знаю, где у него санузел.

А у меня нога травмирована. И костылей нет.

И вообще, я в одних трусах и свитере, и это не та ситуация, в которой хочется ковылять на публике.

Я тяжело вздохнула.

— Олег! – крикнула я.

Но ответом мне была тишина. Я честно подождала минуту, но всё равно ноль реакции.

— ОЛЕ-Е-Э-ЭГ! – заорала дурниной и закашлялась.

Горло сразу запершило, как будто я наоралась на концерте и теперь буду немой неделю.

Мужчина появился через секунду. Он стоял в дверях гостиной, и глаза у него были весьма странные.

Они горели, точнее, светились в полумраке комнаты, и в этом взгляде было что-то звериное. Словно он готов был рвать и метать, убивать, защищать.

Он осмотрелся.

Увидел, что опасности нет, никто на меня не нападает, я просто сижу на диване живая и здоровая.

И его глаза сразу стали обычными.

Но я всё успела заметить.

И что это было?

— Ты кричала, – произнёс он мрачным тоном, подходя ближе. – Что случилось?

— Я не кричала, я звала тебя, – поправила его и попыталась улыбнуться. Максимально дружелюбно, во все тридцать два зуба. – Я просто попросить тебя хотела, чтобы ты...

— Никогда больше так не делай, – оборвал он жёстко. Провёл рукой по волосам, жест получился нервный. – Не кричи больше так, будто тебя режут. Поняла меня?

Я всплеснула руками.

— Да не кричала я! Ну, то есть кричала, но просто звала тебя! Но я поняла. Прости, пожалуйста.

И сложила руки в молитвенном жесте.

— Мне очень нужно в туалет, – проговорила я. – Да и руки помыть надо, а то грязные. Поможешь?

На лице Олега отразилась такая гамма эмоций, что я на

секунду испугалась.

Там было всё от ужаса до желания придушить.

— Конечно, — процедил он сквозь зубы.

Подошёл ко мне и как-то очень нервно и раздраженно сдвинул журнальный столик с подносом в сторону, и...

Я думала, он подставит мне плечо.

А он просто взял меня на руки. Подхватил меня, как пушинку, и понёс, а я даже пискнуть не успела.

— Эй! — выдохнула я, вцепившись ему в шею. — Я вообще-то тяжёлая, не надорвись.

— Не надорвусь, — буркнул он.

Он нёс меня по коридору, а я чувствовала, как под его футболкой перекачиваются твёрдые и очень большие мышцы. И пахло от него хорошо, отчего внутри у меня всё сжалось.

*«Катя, не отвлекайся. Тебе в туалет надо, а не в обморок от феромонов».*

Он остановился у запертой двери, осторожно опустил меня на пол.

— Я жду тебя здесь, — произнёс он. — Спокойно делай все дела.

Я кивнула и толкнула дверь.

Ванная комната встретила меня... Скажем так, я снова офигела.

Ребята, это был санузел уровня «миллиардеры тоже плачут».

Стены были сделаны из грубого серого камня. На минутку всё настоящее, а не плитка с имитацией под камень.

Были очень стильные вставки из дерева.

Пол тоже паркетный, ещё и с подогревом.

Я босой ногой почувствовала приятное тепло.

Свет лился мягкий и рассеянный. Никаких тут люстр не было, только бра и точечные светильники, создающие приятный полумрак.

Душевая кабина вместо ванны.

Она была огромная, с навороченной панелью управления, на которой кнопок больше, чем на ноутбуке.

Я такие душевые в журналах про интерьер видела, они стоят как вся моя машина.

Раковина была в виде каменной чаши на деревянной стойке. Над ней висело огромное зеркало во всю стену.

Тут тоже ни одного женского предмета. Никаких там баночек, кремиков, духов или расчёски с копной волос. Только мыло в стильной банке и крем для рук.

— Красота, – прошептала я.

И тут же вспомнила, зачем пришла.

Я доковыляла до фаянсового товарища, справила нужду и уже собралась вставать, как вдруг...

— Ваш биоматериал проанализирован. Отклонений не выявлено. Вы здоровы.

Я замерла.

— Э-э-э... Что?

— Ваш биоматериал проанализирован, – повторил приятный мужской голос откуда-то из недр унитаза. – Отклонений не выявлено. Вы здоровы.

Я схватилась за сердце.

— Блин, унитаз... ты разговариваешь?

— Я – интеллектуальная система анализа здоровья. Рад был вам помочь.

Я посмотрела на унитаз. Унитаз смотрел на меня своим белым фаянсовым оком.

— Обалдеть, – выдохнула я. – Унитаз только что прокомментировал мою...

Ну, вы поняли.

Я с трудом встала, нога напомнила о себе и подошла к раковине, включила воду.

Пальцы дрожали. Не знаю, то ли от холода, то ли от удивления.

Унитазы со мной ещё не говорили.

Я, конечно, прекрасно осведомлена про умные дома, пылесосы, которые сами убирают и тому подобное, но про унитазы, которые анализируют биоматериал и ставят диагноз, слышала как-то в какой-то передаче, всё-таки думала, что это из области фантастики.

— Надеюсь, ты не записываешь всё на камеру, – проговорила вслух.

К счастью, в этот раз унитаз промолчал.

Я тщательно вымыла руки. Намылила раза три, потому

что грязь въелась в кожу и под ногти. Умыла лицо, потом внимательно взгляделась в своё отражение в зеркале и ужаснулась.

— Мамочки.

Из зеркала на меня смотрела не я, а какая-то жуткая тётка.

Лицо было уставшее, помятое и имело отвратительный серый оттенок, который мне точно не шёл.

А волосы?

Мои прекрасные и ухоженные волосы, на которые я трачу ползарплаты в салоне, торчали в разные стороны, как у чучела.

Глаза горели нездоровым блеском и под глазами образовались тёмные круги.

Я пощупала лоб. Вроде он не горячий, но горло уже противно першило.

— Унитаз заявил, что я здорова, – прошептала своему отражению. – Наверное, врёт, потому что я похожа на больную. Психологически так точно.

Тяжко вздохнула и одёрнула свитер.

Критически осмотрела свои трусы и решила, что это уже неважно, так как мой социальный статус всё равно уже упал ниже плинтуса, когда я показала этому мужику носки с сердечками.

Открыла двери. Олег стоял там же, где я его оставила.

Он прислонился к стене, скрестив руки на груди и ждал.

— Ты не предупредил, что у тебя говорящий унитаз, – вы-

палила я. — Так можно и инфаркт схватить. Представляешь, сижу я, никого не трогаю, и тут голос снизу: «*Вы здоровы*». А если бы я была больна? Он бы объявил мне: «*У вас глисты, валите к чёрту?*»

Олег бровь поднял и сказал:

— Это просто унитаз.

— Говорящий!

— Аналитический модуль, — поправил он.

Я кивнула.

— Просто ты не предупредил, а у меня сердце слабое.

— Не слабое, — произнёс он без интонации.

Но почему-то мне показалось, что внутри он усмехнулся.

Он снова поднял меня на руки. Так же легко, как и в прошлый раз.

Донёс до дивана. Опустил и бросил коротко:

— Ешь. Как закончишь, просто позови. Не кричи, а нормально позови. Я услышу.

— Я звала в первый раз, ты не слышал, — буркнула я, устраиваясь поудобнее.

— Я всё слышал, — вздохнул он и тряхнул головой, как собака, которая пытается стряхнуть с себя воду. Или наваждение. Потом резко развернулся и ушёл.

У меня было чёткое ощущение, что он сбежал.

— Станный, — сказала я пустой комнате.

Потом понюхала свои подмышки.

От меня пахло потом. И ещё чем-то кислым, наверное,

адреналин вышел.

— М-да, – констатировала я. – Даже дикарь не польстится на такую «красотку». Я сейчас выгляжу как чучело, воняю, у меня трусы с зайчиками. Идеальная женщина. Просто «мечта».

Я посмотрела на поднос.

И вдруг поняла, что умираю от голода.

Я схватила ложку, отправила в рот первую порцию рагу.

И застонала.

Боже. Боже мой. Как же это было вкусно!

Рагу наваристое, мясное, с крупными кусками нежнейшего мяса, которое таяла во рту.

Овощи тоже мягкие и в тему, всё идеально приготовлено.

Хлеб явно домашний, с хрустящей корочкой.

Чай был горячий, ароматный и божественно вкусный.

Я ела и чувствовала, как жизнь возвращается в тело.

Как тепло разливается по животу. Как мозги встают на место.

Я доела всё до последней капли. Выпила чай с куском вишнёвого пирога, откинулась на диван и закрыла глаза.

В животе стало тепло.

Нога не болела, чудесная мазь работала.

В доме было уютно, только дождь стучал по стёклам и в камине потрескивал огонь.

— Я в таёжном раю, – прошептала я, – у сурового дикаря.

И тут же в голову полезли мысли.

Почему он живёт один, и дом у него, как в журнале, но нет ни одной женской вещи?

Почему у него глаза светятся?

И что такого произошло с ним, когда я крикнула? Он ведь прибежал с таким видом, будто спасти меня от смерти собрался.

— Катя, не лезь, — проговорила сама себе. — Твоя задача просто пережить ураган и вернуться домой, а не разгадывать загадки таёжного отшельника.

Но внутри уже заскреблось любопытство, которое и привело меня в тайгу, и которое, кажется, теперь вело меня напрямиком в неприятности.

Только гораздо более опасные, чем вывих ноги.

\* \* \*

— ОЛЕГ —

Я сбежал. Просто развернулся и ушёл, оставив её на диване с едой в обнимку.

Потому что, если бы остался ещё на минуту, и она снова бы улыбнулась, или выпалила ещё какую-нибудь глупость про говорящий унитаз, я бы сломался и сел рядом.

С удовольствием бы прикоснулся к её волосам, глубоко и полной грудью вдохнул бы этот запах. Но нельзя.

Я уже потрогал и понюхал. Поздно, идиота кусок.

Заперся в своей комнате на втором этаже и прислонился лбом к холодной стене, закрыл глаза.

Она не моя пара.

Слова отца вбились в череп.

*«Она всего лишь иллюзия. Проклятие дразнит меня. Если поверю, сближусь с ней, проведу с ней ночь, то потом весь морок растает, как дым и я сдохну от боли».*

Я сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони. Боль чуть помогала.

*«Не смей плохо думать о ней!»*

— Прекрати, – прошептал вслух.

Её запах впитался в мою кожу и залез под кожу.

Я нюхал её, когда нёс до дивана, и когда снимал ботинок, а потом обрабатывал ногу.

Делал вид, что занимаюсь делом, а сам просто упивался её сказочным ароматом.

Он проник прямо в кровь. Тёк по венам, добрался до сердца и взорвался там фейерверком.

Сладкий, терпкий и такой родной.

Так пахнет дом, пахнет весна и моя женщина.

— Чёрт, – выдохнул я и стукнул кулаком по стене.

Камень тут же треснул, а на костяшках выступила кровь.

Больно. Это хорошо.

Значит, я ещё человек.

Волк внутри взвыл.

Он рычал внутри так, что у меня виски заломило.

*«Это она!»* – выл зверь.

— Заткнись, – прошептал я.

Но зверь не унимался.

Он требовал, чтобы я шёл к ней, упал к её ногам и был с ней... всегда.

— Нет.

*«Иди! Она там совсем одна!»*

— Нет.

*«Она пахнет тобой! У неё на коже твой запах! Ты уже пометил её, она твоя!»*

Я замер.

Что?

Я поднёс руку к лицу. Вдохнул. От меня пахло... Катей.

Значит, и от неё пахнет мной.

Значит, зверь прав, я уже пометил её.

Не специально. Просто от прикосновений.

От того, что нёс на руках. От того, что трогал её ногу и просто дышал рядом.

Она пахнет мной. Я пахну ей.

— Чёрт, – снова выдохнул я.

Зверь внутри довольно заурчал.

*«Теперь она никуда не денется».*

— Заткнись, – повторил я. – Она уедет. Как только ураган прекратится, она уедет. И я останусь один. Как всегда.

*«Не уедет! Она не сможет! Ты не отпустишь её!»*

— Откуда ты знаешь, что не отпущу? Ещё как отпущу, – хмыкнул я.

*«В ней нет страха перед тобой, болван, она уже хочет тебя. И ты хочешь её...»*

У меня перехватило дыхание.

Я вспомнил, как она смотрела на меня, когда я бинтовал её ногу. Она покраснела, когда снимала джинсы и смущалась.

А ещё помнил, как мило она улыбалась, когда глупо шутила.

— Нет, — выдохнул вслух. — Она просто человек и просто рада, что её не убили и накормили. Не выдумывай.

Зверь презрительно фыркнул.

*«Человек глуп. Волк знает лучше».*

Я отошёл от стены, подошёл к окну.

За стеклом хлестал дождь, и река поднималась.

Дороги уже не было, я проверял по камерам.

Мост смыло.

Она здесь застряла надолго. Одна. Со мной.

На день, два или вообще на неделю.

Я не выдержу неделю!

Я сполз по стене на пол и обхватив голову руками.

В голове стучало, в висках пульсировало и хотелось...

Да много чего хотелось.

Например, спуститься в гостиную и сесть рядом с ней. Смотреть, как она ест, слушать её болтовню и смеяться над её шутками.

Я даже забыл, как это смеяться, а она умеет.

Хотелось прикоснуться к её щеке, убрать прядь волос с лица, провести пальцем по губам. А ещё очень сильно хоте-

лось прижать к себе и никогда не отпустить.

— Хватит, – прорычал тяжело. – Ты сильный, справлялся и не с таким.

Но я не справлялся, потому что раньше такого со мной не было.

Я встал и подошёл к двери, прислушался.

Тишина.

Она ела, или уже доела.

Сидит, наверное, смотрит на камин.

Интересно, она думает обо мне? Или думает о том, что ей бы позвонить?

Чёрт, я же обещал ей телефон!

Но выйти к ней сейчас не мог.

— Катя, – прошептал я.

Её имя на языке было сладкое и опасное, оно вызывало привыкание.

Зверь внутри заскулил, тоскливо и по щенячьи.

*«Иди к ней и просто посмотри, убедись, что с ней всё в порядке. Это же нормально, проверить, как там гостя?»*

— Это не нормально, – ответил я зверю. – Это повод прикоснуться к ней снова.

*«Ну и что? Прикоснись. Она не будет против».*

— Откуда ты знаешь?

*«Я чувю. Она не боялась, но дышала чаще, когда был рядом...»*

— Хватит. Не надо придумывать то, чего нет.

Зверь обиженно замолчал.

А я простоял у двери минут десять, просто слушал тишину.

Потом не выдержал и вышел в коридор. Подошёл к лестнице и очень медленно спустился на первый этаж.

Остановился в тени, откуда мог видеть её, не будучи замеченным.

Она сидела на диване и с удовольствием доедала кусок пирога, будто это был лучший пирог в её жизни.

Причмокивала, улыбалась сама себе.

Потом откинулась на спинку дивана, погладила себя по животу и произнесла:

— Я в таёжном раю у сурового дикаря.

Я усмехнулся.

— Катя, не лезь, – прошептала она. – Твоя задача просто пережить ураган и вернуться домой, а не разгадывать загадки таёжного отшельника.

Я нахмурился и вздохнул, вроде бы тихо, но она услышала. Повернула голову в мою сторону.

— Олег? Ты там?

Я шагнул на свет.

— Я здесь.

Она мне тепло улыбнулась.

— Спасибо, – проговорила она. – Это было невероятно вкусно. Я твоя должница.

— Не надо, – ответил я. – Ты никакая не должница.

— Надо, – упёрлась она. – Ты меня спас, накормил, ногу забинтовал. С меня хороший обед или ужин. Договорились?

И снова улыбнулась, а я понял, что пропал.

— Да, – выдохнул хрипло. – Сейчас отдыхай, тебе нельзя на ногу вставать.

— А в туалет можно? – хихикнула она и хитро прищурилась. – А душ? А умыться? Я вообще-то воняю, как лось после гона.

Я чуть не поперхнулся воздухом.

— Ты... что?

— Ну, лось. Они такие активные. И я думаю, что они сильно пахнут.

Она опять засмеялась.

— Да я шучу. Расслабься, Олег. Просто хочу помыться. Поможешь мне? И раз уж я окончательно села на твою шею, могу конфисковать у тебя рубашку или футболку?

Я смотрел на неё и понимал, что эта женщина сведёт меня с ума быстрее, чем полнолуние и даже проклятие.

— Помогу, – выдохнул я. – Футболку дам. Но потом позвонишь своим близким, а затем ляжешь спать. И не встанешь до утра. Ураган будет до завтра.

— Но сейчас ещё даже не вечер! – возмутилась она, но увидела мой суровый взгляд и сказала: – Есть, капитан!

И дурашливо отдала честь.

Я подошёл, поднял её на руки. И понёс в ванную.

Она уже пахла мной.

# ГЛАВА 5

\* \* \*

— КАТЯ —

Я стояла в душевой кабине, на меня лилась горячая вода, и я чувствовала, как жизнь возвращается в тело.

Горячая вода – это прекрасно.

Я налила в ладонь гель для душа.

Ммм, какой запах.

Ребята, это было что-то невероятное.

Свежий, чистый, с нотками цитруса.

Я втянула носом глубже и поняла, что так пахнет сам Олег. И я мылась гелем Олега.

И сейчас буду пахнуть как он.

— Обалдеть.

И принялась намыливаться с удвоенным энтузиазмом, потому что это было просто космически приятно.

Гель пенился, вода стекала по телу, а запах окутывал, проникал в каждую клеточку.

Я намылила волосы его шампунем и был тот же запах цитруса и дерева.

Я теперь с ног до головы им пахла.

— Катя, ты извращенка, – хихикнула я.

Но остановиться не могла.

Я стояла под водой, закрыв глаза, и представляла... Стоп.

Не надо представлять, но было поздно.

Я представила, как выхожу из душа, а он стоит и ждёт меня, и пристально смотрит на меня.

И в его глазах дикий голод, который я увидела мельком, когда он смотрел на мою ногу, только сейчас он смотрел бы не на ногу.

Он протянул бы ко мне руку, провёл пальцем по моей мокрой щеке и убрал бы прядь волос с плеча.

Его сильные пальцы коснулись бы моей кожи. Провёл бы ими медленно, точно так же, как он касался моей лодыжки, когда бинтовал.

А потом бы он провёл ладонью по моей спине от шеи до поясницы.

Я ощутила, как по коже побежали мурашки, дыхание сбилось и сердце забилось не в груди, а в горле.

Его рука уже ниже. Он бы обхватил меня за талию и притянул к себе.

Я даже как наяву почувствовала его дыхание на своей шее.

Его губы коснулись бы моей мокрой кожи...

— Катя, чёрт тебя возьми! – вскрикнула я и открыла глаза.

Вода лилась, пар стоял столбом, а я стояла посреди душевой кабины и пыталась отдышаться.

— Спокойно, – прошептала я. – Это просто гормоны взбунтовались. Ты давно не была с мужчиной. Просто он офигенно красивый и пахнет нереально. А ещё ты идиотка.

Выключила воду и открыла дверцу кабины, потянулась за полотенцем.

Вытерлась и кожа стала розовой, нежной и бархатистой.

Растёрла плечи, руки, грудь, живот и снова поплыла, потому что представила, что это не полотенце, а его руки.

Что это он медленно вытирает меня. И аккуратно. Проводит полотенцем по моей спине, а потом убирает его и касается кожи уже горячими ладонями.

Он проводит руками по моим плечам, спускается ниже. Я откидываю голову ему на плечо, и он целует мою шею. Шепчет что-то хриплым голосом, а его руки...

— Всё! – вскрикнула громко. – Катя, хватит!

Схватила футболку, которую он дал. Натянула её через голову и поняла, что это мой новый любимый предмет гардероба.

Ткань была нереальная, очень нежная, лёгкая и приятная к телу.

Футболка была ниже колен.

Запах Олега был везде. Я была им пропитана насквозь.

— Класс, я теперь пахну тобой, – прошептала мрачно. – А ты даже не знаешь.

Потом посмотрела на свои вещи. Свитер, носки, трусы – всё валялось кучей на полу.

— Так, трусы надо постирать, – вздохнула я. – И носки. Потому что ходить без трусов в доме у незнакомого мужика – это даже для меня перебор.

Намылила своё исподнее в раковине его гелем, ну да, грех одним грехом, почему бы и нет, прополоскала и отжала.

Носки с сердечками туда же.

И с чистой совестью развесила всё на его полотенцесушителе.

Пусть висят и сохнут.

Он уже видел мои трусы, когда я джинсы снимала. Так что терять нечего.

Я посмотрела на себя в зеркало.

Волосы были мокрые, но чистые. Лицо свежее, глаза блестящие. И самое главное, я была в его футболке.

— Богиня, – произнесла с улыбкой. – Просто богиня, особенно если не смотреть на забинтованную ногу.

Я нашла фен и высушила волосы. Расчесалась пальцами, ведь расчёску забыла спросить, но у меня свои пять пальцев. Посмотрела на результат.

— Ну, вполне для лесной жительницы.

Наконец, я вышла из ванной.

Олег стоял в коридоре, прислонившись к стене, и смотрел на дверь, из которой я вышла.

Смотрел так, будто от этого зависела его жизнь.

Он как-то весь напрягся, когда я вышла.

Глаза остекленели, дыхание стало поверхностное. Он даже не моргал.

Я помахала ладошкой перед его лицом.

— Эй, ты в порядке?

Ноль реакции.

Тогда ткнула его пальцем в живот, и он весь вздрогнул, как от удара током.

Глаза прояснились, и он рыкнул.

— Что ты делаешь?

— Да ты застыл как истукан, – объяснила ему. – А я просто ткнула в тебя пальцем. Но в следующий раз дам пощёчину для верности.

Я улыбнулась, показывая, что шучу.

— Плохая идея, – буркнул он.

И, не спрашивая разрешения, подхватил меня на руки и понёс не на диван, а на второй этаж.

— Э-э-э... куда? – опешила я. Сердце ухнуло куда-то в пятки. – Только не говори, что в спальню. Я, конечно, понимаю, благодарность, но я ещё не готова к таким жертвам...

— В гостевую, – оборвал он. – На кожаном диване спать неудобно. Особенно с больной ногой.

— А-а-а, – выдохнула я. – Ну да, конечно. Спасибо.

— Не за что. И повязку надо сменить, ты её намочила.

— Ну, я мылась, – хихикнула в ответ. – Но ты прав, сменить надо...

Я лежала у него на руках, чувствовала, как бьётся его сердце, кстати, очень быстро, и думала: *«Катя, ты клиническая идиотка. Ты ляпнула про спальню, теперь он думает, что ты озабоченная дура».*

— Кстати, я не озабоченная, – заявила вдруг.

— Что? – не понял меня Олег.

— Ничего. Я просто хотела прояснить ситуацию.

Он ничего не ответил. Занёс меня в комнату и осторожно уложил на кровать, ещё и накрыл одеялом.

— Я тебе телефон занесу, – пробормотал он. – И аптечку, потом повязку сменю.

— Повязку – да, а телефон давай потом, как проснусь, – прошептала я.

Потому что глаза реально слипались, вымоталась под ноль.

Я устроила голову поудобнее на подушке и посмотрела на Олега. Он стоял в дверях и глядел на меня.

— Олег, – позвала его.

— Что?

— Спасибо тебе. За всё. Ты очень хороший.

Он не улыбнулся, но мне показалось, что в его суровых глазах что-то дрогнуло.

— Отдыхай, – вздохнул он тихо и вышел.

Я закрыла глаза и провалилась в сон.

Мне снилось, что он гладит меня по голове, а я улыбаюсь как дура. Как самая счастливая дура на свете.

\* \* \*

Тук!

Тук!

Тук!

Я вынырнула из сна очень резко и с ощущением, что меня

только что лишили чего-то важного.

А важным был Олег в моём сне.

Он был полностью без одежды и делал мне массаж шеи, плеч и спины. Его горячие, сильные и умелые руки разминали каждую мышцу, и мне было так хорошо и правильно, что я готова была мурлыкать.

И тут этот проклятый звук «тук-тук-тук» всё порушил.

— Да чтоб тебя... – прошипела я в подушку.

Сон растворился, оставив после себя только тепло внизу живота и лёгкое разочарование.

Я распахнула глаза. За окном ярко светило солнце. Птицы активно щебетали, будто они репетировали концерт.

И я попыталась понять, где я и тут вспомнила.

Тайга, ураган и моя подвёрнутая нога. Телефон утонул в болоте, потом я нашла дом и Олега, который меня спас от беды.

— Я у Олега, – хриплым со сна голосом проговорила я.

Я посмотрела на часы на стене напротив и обалдела! Я проспала больше двенадцати часов!

— Обалдеть, – выдохнула я. – Я что, в спячку впала?

Обычно сплю часов шесть, максимум семь, а тут продрыхла половину суток, но при этом чувствовала себя прекрасно.

Не просто хорошо, а идеально, будто не стресс пережила, а на курорте отдохнула.

— В городе у себя дома бы так спала, честное слово, – проворчала я и с удовольствием потянулась, по-кошачьи вы-

гнув спину, ещё и раскинула руки в стороны.

Потом перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку.

Господи, какая хорошая подушка!

Я зарылась в неё носом.

Ещё и сам матрас тоже просто песня.

Не проваливаешься, но и не как на камнях, а такое ощущение, что тебя обнимают.

Простыни были нежные и мягкие, явно с каким-то безумным содержанием хлопка, который стоит как моя зарплата за полгода.

Я погладила рукой простыню. Богатые люди точно знают толк в постели.

Я представила, сколько стоит этот комплект, а потом вспомнила свой матрас дома, простыни из супермаркета, которые уже потеряли цвет после третьей стирки, и подушку, которую пора менять, но рука не поднимается, потому что нормальные подушки дорогие, а моя вроде ещё нормальная, и шумно вздохнула.

Я уже поняла, что уже не смогу спать на старом матрасе.

Жаба будет душить, но придётся раскошелиться, потому что разницу ощутила.

Я полежала ещё минуту, наслаждаясь моментом.

Потом села и осмотрела ногу.

Лодыжка почти не болела.

Чуть-чуть ныла, когда я пошевелила стопой, но опухоль

спала, краснота ушла.

Обычный синяк остался, но это ерунда.

— Олег — чудо-лекарь, — усмехнулась я. — Массаж делает во сне, ещё и ноги лечит отлично.

Я встала.

Осторожно ступила на больную ногу.

Да, неприятно, но было терпимо. Допрыгать до туалета можно.

В гостевой спальне оказался отдельный санузел, этому факту я обрадовалась.

Я умылась, почистила зубы пальцем. Ну да, гигиена на уровне пещерного человека, но лучше, чем ничего. Потом пригладила волосы и внимательно посмотрела на себя в зеркало.

Свежая, отдохнувшая и глаза блестели.

Волосы после его шампуня были просто шёлк.

— А ничего так, — заявила своему отражению. — Для женщины, которая вчера чуть не умерла в тайге.

Потом подошла к окну и отдёрнула штору, да так и ахнула.

Вид из окна, ну просто открытка.

Тайга, сосны, небо чистое и голубое, солнце заливало всё вокруг, и ни следа вчерашнего урагана.

В гостевой спальне был балкон.

Сдёрнула с кресла плед, накинула на плечи и вышла наружу.

Господи, а какой тут воздух! Упоительный и нереальный.

Я вдохнула полной грудью и почувствовала, как кровь побежала быстрее и мозги начали прочищаться

Это вам не городской смог по утрам.

Я стояла, закутавшись в плед, и смотрела на тайгу.

Красота неземная.

Тук!

Тук!

Тук!

Вздрагнула и посмотрела вниз.

Ну всё, моё сердце тут же пропустило удар, потом ещё один, а потом оно вообще перестало биться, потому что во дворе в одних спортивных штанах и босиком, стоял Олег. И колот дрова.

Ребята!

Кажется, я умерла и попала в рай.

Потому что такого в реальной жизни не бывает.

Это, чёрт побери, статуя греческого бога, которую оживили и поставили в тайге колоть дрова!

Олег стоял ко мне вполоборота и солнце падало на него, высвечивая каждую мышцу.

Я никогда не думала, что мужская спина может быть такой сексуальной.

Широкие плечи, могучий торс и каждая мышца была прорисована, будто над ним работал скульптор.

Лопатки двигались под кожей, когда он заносил топор.

— Обалдеть, – прошептала я.

Он поднял топор сосредоточенно и уверенно.

Тук!

Полено разлетелось на две половинки легко, будто это было масло, а не дерево.

Мышцы на его спине вздулись, перекатились под кожей и красиво заиграли.

Пот блестел на плечах, каждая жилка, сухожилие, да вообще всё было видно и всё было идеальным.

Он наклонился за следующим поленом.

И тут я увидела его в профиль.

Загляделась на мышцы его груди.

Руки тоже просто пушка.

Бицепсы, трицепсы, предплечья, да у него всё идеально.

И эти мышцы на плечах делали его фигуру похожей на супергероя.

Он снова занёс топор, мышцы на руках вздулись, грудные напряглись, и пресс кубиками, обозначился чётче.

Тук!

Ещё одно полено разлетелось в щепки.

Я сглотнула.

У меня пересохло во рту и горле. И вообще везде пересохло. Нет, кое-где наоборот, стало влажно.

Я смотрела, как он работает, уверенно ставит полено и легко, почти играючи, раскалывает его одним ударом.

Как двигается плавно, мощно, завораживающе.

В этом было что-то первобытное и древнее.

Мужчина делает мужскую работу. Обеспечивает тепло. Защищает. Добывает.

Я сейчас готова была зарыдать кровавыми слезами.

Потому что телефон утоплен.

А кадры были бы, ну просто мировые.

Оцените фото: утро, тайга, шикарный мужик с топором.

Где-то глубоко внутри маленькая Катя уже скакала и с восторгом кричала: *«Какое счастье, что поехала в тайгу! Такой экземпляр в городе не найти! А здесь тако-о-ой мужчина и он один! ОДИН!»*

«Заткнись», – сказала я мысленно.

Она захихикала и убежала.

Олег разогнулся.

Вытер пот со лба тыльной стороной ладони, провёл рукой по груди, он просто смахнул капли, и я проследила за этой рукой взглядом.

Чёрт...

Я смотрела как мужчина колет дрова, и у меня слюни потекли и остановиться смотреть на него я не могла.

Он чуть-чуть повернулся, и я увидела его сосредоточенное, совершенно спокойное и очень красивое лицо.

Мокрые волосы прилипли ко лбу, его янтарные глаза смотрели на полено перед ним.

Я не выдержала и томно вздохнула.

И вдруг он поднял голову, и посмотрел прямо на меня.

Я в ужасе замерла.

Он тоже замер.

И мы просто стояли и смотрели друг на друга.

Я стояла на балконе, в плед замотанная, как в кокон, а он был во дворе, стоял с топором в руке, был весь потный и прекрасный.

Похоже, он был не рад, что я его увидела, потому что поджал губы и резко отвернулся, и снова поднял топор.

Тук!

Тук!

Тук!

Стал колоть дрова не как ранее, а как-то зло.

Я снова выдохнула.

*«Катя, ты пропала, влипла по полной. Потому что этот мужчина, он просто... просто...»*

Я не нашла слов, так как это было слишком мощно, и слишком... моё.

*«Так, – заявила себе строго, – не пялься. Ты приличная девушка, из хорошей семьи. На минуточку, кандидат наук».*

Я ещё раз посмотрела на мужчину. Олег как раз заносил топор над очередным поленом, и мышцы на спине перекатились, руки...

— К чёрту науку.

Развернулась и пошла в комнату, надо было одеваться.

Точнее, одеваться было не во что.

У меня была только его футболка, в которой я спала.

Носки и трусы, которые сушились в ванной на первом эта-

же.

— Ладно, — вздохнула я. — Футболка — это почти платье.  
Я готова к выходу в свет.

Спустилась на первый этаж и вошла в ванную.

Бельё просохло.

Натянула трусы, носки, одёрнула футболку.

Почему-то крадучись вышла и пошла на запах еды.

Нет, реально какой-то чересчур крутой мужчина, уже и завтрак приготовил. Пахнет просто умопомрачительно.

# ГЛАВА 6

\* \* \*

— ОЛЕГ —

Утром ураган закончился, и за окном светило солнце, пели птички. Воцарилась настоящая идиллия.

Но поверьте, проблемы только начинались.

Я стоял на крыльце, смотрел на реку и матерился. Потому что река вышла из берегов.

Она снесла мост ко всем чертям собачьим.

Дороги больше не существовало.

Вода бурлила, пенилась, несла стволы деревьев и прочий мусор.

— Отлично, – прорычал вслух. – Просто прекрасно, мать вашу...

Чтобы выбраться отсюда, нужно ждать, пока вода спадёт.

Это день, или два, а может, вообще неделю.

Потом я смогу перевезти её на джипе. Или вызвать вертушку, но вертолёт сядет только на другой стороне. Короче, всё равно надо ждать.

Это значит, она останется здесь.

Ещё на день, или на два, или больше... На целую вечность!

Я запустил руку в волосы, потянул их. Больно, но хорошо, чуть отрезвило.

Зверь внутри меня, который с самого её появления орал, выл, рычал, сегодня утром просто взял и взбесился.

А всё потому, что ночью я сделал то, за что мне нужно оторвать руки.

Она спала, так сладко, беззаботно и доверчиво. Лежала на кровати, подложив ладошку под щеку.

Её волосы разметались по подушке, губы были чуть открыты.

Катя дышала ровно и глубоко.

Я сидел рядом и смотрел.

Час. Два. Три.

Просто смотрел. Потом я осторожно, стараясь не разбудить, снял с её ноги мокрую повязку и осмотрел ногу.

Понял, что надо её лечить.

И тут зверь сделал это.

*«Залечи. Это быстро и эффективно. Она даже не проснётся».*

— Нет, – прошептал я.

*«Да. Ты же хочешь ей помочь. Сделай это. Сделай. Сделай. Сделай...»*

Я боролся, правда.

Потом наклонился и лизнул её лодыжку. Языком провёл по больному месту. Делал всё медленно и осторожно.

Слюна оборотня – это лучшее лекарство, она впитается в кожу, проникнет в ткани и ускорит заживление.

К утру от вывиха не останется и следа. Да, будет ещё

немного болеть, но к вечеру всё пройдёт.

Но дело было не в лечении, а в ней самой.

Под моим языком частил хрупкий пульс. Я провёл языком по щиколотке, лодыжке и выше до середины икры.

Она вздохнула во сне, чуть пошевелилась, но не проснулась.

Сердце моё заколотилось как бешеное. Если она откроет глаза и увидит, что я делаю, то точно решит, что я псих, маньяк и извращенец.

Но Катя просто спала, пока я вылизывал её ногу, как преданный пёс.

Лизнул ещё раз.

Вкус её кожи въедался в мой мозг и кровь. Я хотел её всю, хотел касаться губами каждого сантиметра её тела и вдыхать её запах, пока не задохнусь.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.